ПУТИ ЗНАКОМСТВА ПУШКИНА С ВОСТОЧНОЙ ПОЭЗИЕЙ: ФРАНЦУЗСКИЕ И НЕМЕЦКИЕ ПОСРЕДНИКИ

Валиходжаева Ф.Б
Преподаватель Самаркандского государственного института инностраных языков
e-mail: farruxa193@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются пути творческого осмысления А. С. Пушкиным восточной поэтической традиции. Поскольку поэт не владел восточными языками, его знакомство с Кораном, Гафизом, Саади и арабской лирикой осуществлялось через переводы-посредники – преимущественно французские и немецкие. Особое внимание уделено роли русских переводов, выполненных с французского языка, а также фигуре И. В. Гёте, чей «Западно-восточный диван» представляет собой пример глубокого творческого диалога с восточной традицией. Показано, что пушкинское восприятие Востока формировалось не через «подлинник», а через сложную систему культурных посредников, что, однако, не помешало ему создать оригинальные произведения, ставшие классикой русской духовной поэзии.

Ключевые слова: Пушкин, ориентализм, Коран, Гафиз, Саади, Гёте, «Западно-восточный диван», переводы-посредники.

Творчество Пушкина содержит один из наиболее ярких и глубоких опытов освоения восточной поэзии в русской литературе, несмотря на отсутствии у него познаний в области восточных языков. Пушкин знакомился с Востоком через европейские переводы – прежде всего французские и немецкие. Эти переводы выходили далеко за рамки обычного культурного посредничества; они сами несли на себе идеи европейского Просвещения, романтизма и востоковедения XVIII–XIX веков. По сути, Пушкин воспринимал Восток с позиции европейского сознания.

Цель данной статьи посвящена исследованию каналов этого опосредованного культурного знакомства. В качестве первого шага анализируются французские переводы Корана и их русские переложения. Второй этап исследования сфокусирован на немецком посредничестве, прежде всего роль Гёте. Третьим аспектом анализа выступают отдельные случаи обращения к Гафизу и Саади.

Знакомство Пушкина с Кораном происходило по двум линиям – русской и французской. Как установили исследователи основным источником «Подражаний Корану» послужил русский перевод М. И.

Веревкина. При этом сам Веревкин опирался на более ранний французский перевод, сделанный востоковедом Андре дю Рие в 1770 году.

Таким образом, образуется последовательность: арабский оригинал–первоисточник → французский перевод дю Рие – европейское переложение→ русский перевод Веревкина → Пушкин –автор «Подражаний Корану».

Осуществляя перевод с французского языка, Веревкин избрал в качестве стилевого ориентира язык славянской Библии. Это в значительной мере предопределило стилистическое решение пушкинских «Подражаний…», которые частично соприкасаются с традицией русских «духовных од» XVIII столетия. Также, был известен и французский перевод Савари (1751/52), который Пушкин также знал. Исследователь П. В. Алексеев специально рассматривает «Le Coran» Савари как один из источников «Подражаний Корану». Если русский перевод М. Веревкина дал поэту высокий библейский и архаичный слог, именно книга Савари помогла Пушкину глубже понять биографию Мухаммеда, образы «пещеры тайной» и сюжеты мусульманских преданий. Французкое издание Савари также содержало жизнеописание пророка, элементы которого легли в основу пушкинских сюжетов.

Для Пушкина французская словесность значила больше, чем литература любой другой страны. Б. В. Томашевский подчёркивал, что интерес поэта к тому или иному явлению зарубежной литературы рождался под влиянием французской среды. Отсюда следует, что Восток открывался Пушкину именно через Францию: французские востоковеды, переводчики и популяризаторы сформировали его образ, позднее воспринятый и русской культурой. Согласно исследованию М. П. Алексеева, фундаментом для западно-восточного синтеза в русском романтизме XIX века стал масштабный литературный процесс XVIII столетия. Этот мощный поток, по большей части франкоязычный, включал в себя «сказки „1001 ночи“ А. Галлана и их бесчисленные стилизации и подражания, переводы восточных поэтов, философские и авантюрно-фантастические „псевдовосточные“ сочинения…». Как отмечал исследователь, именно это течение – преимущественно на французском языке – заложило основу для последующего слияния западных и восточных традиций в русском романтизме XIX века.

Немецкое посредничество в диалоге Пушкина с Востоком связано прежде всего с именем Гёте. Его «Западно-восточный диван» (1819) представляет собой уникальное явление: И. В. Гёте создал это сочинение под влиянием переводов Гафиза, выполненных Хаммером фон Пургшталем. Это сочинение – редкий образец творческого диалога с восточной традицией: автор не перелагает и не копирует, а беседует с

Гафизом, Кораном и восточной поэзией в целом. Это не научный труд по востоковедению и не собрание переводов, а самостоятельное произведение немецкого поэта, где восточные мотивы дают материал для раздумий о любви, вере, поэзии и судьбе. Вопрос о том, был ли Пушкин знаком с «Западно-восточным диваном», до сих пор обсуждается. С. С. Аверинцев «буквально поражается тому, что „Пушкин, почти несомненно не зная о вышедшем ещё в 1819 году, но не имевшем тогда резонанса „Западно-восточном диване“, так близко подошёл к нему пятью годами позже в своих „Подражаниях Корану““». Такое сближение неслучайно: оба поэта, независимо друг от друга, обратились к «фигуре идеализированного мусульманина в роли критика европейских предрассудков». В обоих случаях проявляется «внутреннее сходство между идеализированным исламом и стремлением просветительского религиозного сознания к возможно более очищенному монотеизму как предполагаемой „естественной“ форме веры».

Более того, ряд исследователей считает, что Пушкин всё же знал о «Западно-восточном диване». В письме к Давыдову он замечает: «Я не варвар и не проповедник Корану» – и в этих словах видят критический отклик на Гёте. «Письмо отражает не только факт знакомства Пушкина с „Западно-восточным диваном“ Гёте, но и критическое отношение к нему». По-видимому, Пушкин находил у Гёте то, что сам хотел преодолеть, эстетическое освоение Востока. Его собственный путь в «Подражаниях Корану» был другим – не к стилизации, а постижение духовной первоосновы ислама, к тому, что определяет «жизнь не отдельного народа, а всего мусульманского мира». Гёте был для Пушкина не просто современником, а примером поэта-мыслителя, умеющего вести диалог с чужой культурой, не утрачивая собственного лица. В «Сцене из Фауста» Пушкин напрямую откликается на гётевский текст. Однако сильнее оказалось влияние самой модели обращения с восточным материалом: не подражание, а творческое усвоение. Эта модель в полной мере воплотилась в «Подражаниях Корану», где Пушкин, по верному наблюдению исследователя, в совершенстве освоив поэтику восточного канона, переносит её на собственную биографию. Драматический накал цикла, темы скитальчества, преследования недоброжелателями и высшего покровительства – не механическое переложение сур, а глубокое иносказательное значение Михайловской ссылки. В этой лирике отразилось самоощущение Пушкина как гонимого, но непоколебимого пророка, наделённого высшей силой вестника. Интерес Пушкина к восточной поэзии отчётливее всего проявился в его обращении к двум персидским классикам — Гафизу и Саади. Стихотворение «Из Гафиза» («Не пленяйся бранной славой…», 1829) долго считали вольным переводом или подражанием персидскому поэту. Но современное

исследование не нашло для него прямого источника у Хафиза. Более того, предполагают, что это ответ на воинственные стихи Андрея Муравьёва «В Персию!» (1826). Д. И. Белкин считал, что пушкинские строки «восходят не только к подлинным строкам Хафиза, но и к отдельным творениям современников Пушкина». Случай показателен: имя Гафиза в заглавии выполняет скорее литературно-прагматическую, чем «источниковедческую» функцию – Пушкин использует восточное имя как маску, чтобы высказаться на злободневную тему.

Саади назван в письме Пушкина к П. А. Вяземскому (конец марта — начало апреля 1825), где Пушкин называл восточный слог своим образцом – то есть ориентиром, которому он сознательно следовал. Но критиковал Томаса Мура за противоположное качество: тот был «чересчур уже восточен». Причина в том, что Мур слепо подражая восточным авторам – Саади, Хафизу и Магомету, заимствовал не достоинства, а недостатки чуждой ему традиции. Это суждение принципиально. Пушкин упрекает Томаса Мура в чрезмерной ориентации на восточные образцы. Сам же он полагал, что «европеец и в упоении восточной роскоши должен сохранить вкус и взор европейца». Иначе говоря, восточный материал не должен подчинять себе поэта – ему надлежит оставаться материалом для творчества, европейского по своему духу.

Восточную поэзию Пушкин осваивал одновременно с античной и европейской традицией. В круг его чтения входили Анакреонт, Катулл, Гораций, Шекспир, Вольтер, Байрон и Гёте. Эти авторы не только формировали его представление о мировой поэзии, но и давали ему инструменты для работы с восточным материалом. Показательно, что в издании «Из восточной и европейской поэзии» (в него вошли переводы из Анакреонта, Катулла, Горация, Шекспира, Вольтера, Гёте, Байрона) подчёркивается: «Передавая всю прелесть и глубину оригинала, Пушкин не топил в нём своей творческой индивидуальности, а наоборот, часто преображал чужое стихотворение, во всяком случае, делал его великим событием русской литературы». Это вполне относится и к его обращению с восточными источниками. Пушкин не переводил восточных поэтов в узком смысле – он вступал с ними в диалог, пользуясь доступными ему европейскими посредниками.

Проведённый анализ показывает, что освоение Пушкиным восточной поэзии осуществлялось не напрямую, а через систему европейского – прежде всего французского и немецкого – культурного посредничества. Отсутствие у поэта познаний в области восточных языков не стало препятствием для глубокого проникновения в мир Востока: напротив, именно опосредованный характер знакомства определил своеобразие его подхода. Французские переводы Корана (А. дю Рие, Савари) и их русское переложение М. И. Веревкина сформировали

стилистическую и сюжетную основу «Подражаний Корану», а французская ориенталистская литература XVIII века – от «1001 ночи» А. Галлана до «псевдовосточных» сочинений – создала тот образ Востока, который был усвоен русским романтизмом.

Немецкое посредничество, связанное с именем Гёте, обозначило иную грань проблемы. «Западно-восточный диван» предложил модель творческого диалога с чужой культурой, при которой восточный материал не подавляет авторскую индивидуальность, а служит основой для самостоятельного высказывания. Пушкин, по-видимому, не просто знал об этом опыте, но и критически его переосмысливал: его собственный путь в «Подражаниях Корану» вёл не к эстетизации Востока, а к постижению его духовной первоосновы.

Обращение к Гафизу и Саади подтверждает общую закономерность: восточное имя в творчестве Пушкина выполняет не столько «источниковедческую», сколько литературно-прагматическую функцию. Оно может служить маской для злободневного высказывания («Из Гафиза») или точкой отсчёта для полемики о границах ориентации на восточные образцы (письмо к Вяземскому). При этом принципиальным остаётся требование сохранять «вкус и взор европейца» – восточный материал не должен подчинять себе поэта.

Таким образом, восточная поэзия в пушкинском творчестве функционирует не в качестве объекта прямого перевода или подражания, а как предмет творческого освоения, опосредованного европейской традицией. Античные и европейские параллели – Анакреонт, Катулл, Гораций, Шекспир, Вольтер, Байрон, Гёте – не только закладывали основу пушкинского понимания глобального поэтического наследия, но и давали ему художественные средства для интерпретации восточных сюжетов. Именно этот синтез европейского и восточного начал, осуществлённый при сохранении собственной творческой индивидуальности, позволил Пушкину проникнуть в духовную основу восточной поэзии глубже, чем многие профессиональные востоковеды его времени. И в этом ему помогли не только переводы, но и гений творческого усвоения, для которого «чужое» становилось своим.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев П. В. «Le Coran» Савари как источник «Подражаний Корану» А. С. Пушкина // Сибирский филологический журнал. 2013. № 3. С. 36–42.
2. Аверинцев С. С. Пушкин и Гёте // Аверинцев С. С. Собрание сочинений. –СПб., 1999.
3. Белкин Д. И. Пушкинские строки о Персии // Пушкин и мир Востока. М., 1999. –С. 94-98.

4. Вацуро В. Э. «Северные цветы»: История альманаха Дельвига — Пушкина. –М.: Книга, 1978.
5. Гёте И. В. Западно-восточный диван / изд. подг. И. С. Брагинский, А. В. Михайлов. –М.: Наука, 1988.
6. Зандер Е. А., Попова И. М. «Подражания Корану» Пушкина. Проблемы интерпретации // Концепт. 2014. Спецвыпуск № 13.
7. Пушкин А. С. Подражания Корану // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. –М.: ГИХЛ, 1959–1962. Т. 2.
8. Пушкин А. С. Из Гафиза // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. М.; –Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Т. 3.
9. «Между ориентальной стилизацией и автобиографией: к истории стихотворения А. С. Пушкина „Из Гафиза“» // Русская литература. 2024. № 4.
10. Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. Л., 1960.
11. Из восточной и европейской поэзии. Александр Пушкин. –М.: Эксмо, 2005.